ДМИТРИЙ ПЛОТНИКОВ

50 ЛЕТ В СТРОЮ

автобиографическая повесть

Дмитрий Плотников

50 лет в строю

«Автор»
2026

Плотников Д.

50 лет в строю / Д. Плотников — «Автор», 2026

В автобиографической повести Дмитрий Плотников оглядывается на полвека, наполненные трудом, поисками, победами и испытаниями. Через личные воспоминания автор размышляет о людях, которые были рядом, о ценности накопленного опыта и связи поколений. Это рассказ о пройденном пути и благодарности тем, кто помогал идти вперёд. Полувековой рубеж здесь становится не точкой в истории, а началом новой главы.

© Плотников Д., 2026
© Автор, 2026

Дмитрий Плотников
50 лет в строю

ДМИТРИЙ ПЛОТНИКОВ
АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

«50 ЛЕТ В СТРОЮ»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ
СОЛНЕЧНЫЙ ГОРОД НА КАМЕ ……..……....4
КРАЙ ЗЕМЛИ УСТРЕМЛЕННЫЙ В БУДУЩЕЕ ……13
МЫ ТАМ СТОЯЛИ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ ……....22
ОТ АРМЕЙСКОЙ КАЗАРМЫ ДО ОБЛАСТНОЙ ДУМЫ..…40
КРЫМСК. МЫ ПОМНИМ, МЫ НЕ ЗАБЫЛИ ……47
ТАМ, ГДЕ СПЛЕТАЮТСЯ ОКА И ВОЛГА ……..52
ВОЛНОВАХА. ДОРОГА ПЕРЕМЕН ……....60
ЛЮДИ С КОТОРЫМИ Я ПРОШЕЛ ЭТОТ ПУТЬ…….64
НАДЕЖНЫЙ ТЫЛ ……..……68
ОГЛЯДЫВАЯСТ НАЗАД, СМОТРЮ ВПЕРЕД……..74
ОСТАЮСЬ В СТРОЮ……...……..77

ПРЕДИСЛОВИЕ

Полувековой юбилей – это не просто дата, это веха, свидетельствующая о прочности, преданности и неустанном стремлении к совершенству. Пятьдесят лет – это золотой фонд опыта, накопленный год за годом, день за днем, вложенный в общее дело, в процветание и развитие.

Это время, когда семена, посеянные с энтузиазмом и верой в успех, дали щедрые плоды. Это период триумфов и преодолений, взлетов и падений, который закалил характер, укрепил дух и научил ценить каждое мгновение.

Пятьдесят лет – это история, написанная делами, поступками, достижениями. Это летопись взлетов и падений, мудрых решений и смелых экспериментов. Это живая связь поколений, передающих эстафету знаний и опыта, сохраняющих традиции и открывающих новые горизонты.

Это время подводить итоги, гордиться пройденным путем и строить планы на будущее. Это возможность поблагодарить всех, кто был рядом, кто поддерживал, вдохновлял и помогал идти вперед.

Пятьдесят лет – это не конец, это лишь новый этап, новая страница в книге жизни, наполненная новыми возможностями, новыми вызовами и новыми победами. Это время, когда мудрость и опыт встречаются с энергией и энтузиазмом, чтобы вместе создавать будущее, которое превзойдет все ожидания**.**

СОЛНЕЧНЫЙ ГОРОД НА КАМЕ

«Как утро нужно считать самой лучшей частью суток, как весна — самое прекрасное время года, так детство — самая яркая пора человеческой жизни».

Наука утверждает, что путешествия во времени сегодня невозможны, но я готов поспорить с ней, ведь путешествия в прошлое я уже давно и хорошо освоил. Достаточно поудобнее устроиться в кресле, оседлать волну своей памяти — и она мгновенно перенесёт тебя куда пожелаешь, лет на пятьдесят, к примеру, назад. И вот я на месте — в далёких 70-х. Теперь можно расслабиться и неторопливо осмотреться, словно заново открывая этот мир, уже такой знакомый, но от этого не менее удивительный.

Из моего раннего детства я помню отдельные, будто подсвеченные изнутри мгновения — они и складываются в ту самую картину прошлого.

Родился я в городе Набережные Челны, входившем тогда в Татарскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. Раньше это был ничем не примечательный городок, такой же, как многие другие города Советского Союза, — тихий, размеренный, живущий своей будничной жизнью. Но в 1969 году произошло событие, сделавшее Набережные Челны важным для всей страны: ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли ряд документов, в том числе Постановление № 674 от 14 августа 1969 года «О строительстве комплекса автомобильных заводов в Набережных Челнах Татарской АССР». Так родился КамАЗ — Камский автомобильный завод.

Одновременно с заводом стал возводиться фактически новый город — один из двух крупнейших новых советских городов наряду с Тольятти. На всесоюзную стройку завода и города в Набережные Челны съехались рабочие и специалисты со всех уголков Советского Союза, представлявшие более 70 национальностей. Свыше 2000 предприятий, все главки Госснаба СССР, министерства и ведомства выполняли заказы КамАЗа на строительные материалы и оборудование. На самой строительной площадке работало до 100 тысяч человек. С начала строительства автозавода население города стало прирастать огромными темпами: каждый год город пополнялся на 30 000–40 000 человек.

И хотя жильё в городе строилось тоже рекордными темпами, отставание в его потребностях оставалось огромным. Для решения этой проблемы в городе начали создавать вагонные городки и посёлки. Таких посёлков «одноэтажных Челнов» было создано больше десятка: Надежда, Энтузиастов, Молодёжный, Автозаводец, Энергетик, Комсомольский, Трампарк, Автовокзал и другие. Именно в посёлке Молодёжный и начал жить мой отец — Плотников Вячеслав Алексеевич, когда в 1971 году приехал из Горьковской области строить КамАЗ. А моя мама и старшая сестра временно остались в городе Балахна, ожидая приглашения, чтобы приехать и поселиться в более комфортных условиях.

Отец был энергетиком, приехал не по комсомольской путёвке, и я по праву считаю его первопроходцем. Это были самые тяжёлые испытания. Он, как и многие первопроходцы, месяцами не снимал спецодежду, вяз в непролазной грязи, валился с ног от усталости, жил в вагончике. Именно эти люди — первопроходцы — честно и самоотверженно трудились в те неповторимые дни на челнинской земле, вкладывая в стройку не только силы, но и душу, с молодым задором и настоящим энтузиазмом. Уже почти полвека прошло с тех пор, а я до сих пор удивляюсь их мужеству, одержимости и стойкости. И это была не первая стройка моего отца, и не последняя: до этого он занимался наладкой третьего энергоблока Чернобыльской АЭС. Руководство станции предлагало переехать на постоянное место жительства в город атомщиков — Припять, готово было предоставить квартиру, но на семейном совете было принято твёрдое решение: строить КамАЗ.

Ближе к концу 1972 года отец получил одну комнату в малосемейной квартире на проспекте Мусы Джалиля, в доме № 16 (если по комплексу, то 7/8), на втором этаже, в квартире № 19. И тогда моя мама и сестра приехали в Набережные Челны. В мае 1973 года в семье ждали пополнение. Даже имя выбрали — Наташа. В те годы детей рождалось очень много, и причиной таких ярких демографических процессов в Челнах была массовая миграция молодого

населения, приехавшего на строительство города и автозавода. А в 1983 году город, который тогда носил имя Брежнев (6 января 1988 года ему вернули историческое название), установил рекорд рождаемости в РСФСР на тысячу человек.

Городской родильный дом располагался рядом с нами — на проспекте Мусы Джалиля, 23. Он был открыт в 70-е годы и, как и для многих челнинцев, стал для меня «первым» домом. По рассказам родителей, 13 мая 1973 года, после просмотра программы «Время», в 21 час 30 минут стало понятно, что время подошло. До роддома было недалеко, и до него дошли пешком. В 00 часов 05 минут 14 мая родился я. Так как ждали Наташу, имя для мальчика даже не рассматривали, и мне его дали уже после выписки домой. Когда выбирали имя, сестра прыгала на кровати с панцирной сеткой. Учитывали мнение всех членов семьи, рассматривали несколько имён, а в итоге выбрали Дмитрий

Как известно, до определённого момента детей, рождённых в СССР, отправляли в ясли в 2–2,5 месяца. Декретного отпуска не было, а больничный давали после родов на 56 дней. В некоторых семьях были бабушки, и мне невероятно повезло: моя бабушка, Анна Даниловна, как она потом мне рассказывала, продала дом в Суворовском районе Тульской области, продала свою корову и приехала помогать воспитывать меня. За это я ей очень и очень благодарен. Как потом оказалось, Даниловна — именно так её называли наши соседи — занималась не только моим дошкольным воспитанием. Нас было много, а бабушка одна, и мы часто спорили на улице, чья это бабушка. Именно потому, что я рос под её заботливым присмотром, я ни разу не ходил в детский сад. Хотя путёвку выделяли, но когда я узнал, что в сад надо ходить без бабушки, твёрдо отказался. Больше вопрос о детском саде не поднимался.

В апреле 1976 года мы получили новую трёхкомнатную квартиру в доме 68 на Ленинском проспекте (ныне проспект Сююмбике). Этот дом расположен в 23-м комплексе. Я считаю, что одной из главных достопримечательностей Челнов является уникальная система нумерации домов и микрорайонов города. Со мной согласится большинство коренного местного населения: челнинская система короче и удобнее той, что была принята тогда в СССР, да и сейчас в современной России и во всём мире. Более того, скажу честно: не многие коренные челнинцы подскажут вам, где находится дом, если его назовут по общепринятой системе: «улица, номер дома». Часто они даже не скажут, в какой стороне города нужный адрес и как туда проехать. Подавляющее большинство просто впадает в ступор — даже те, кто живёт в соседнем дворе. А если спросить: «Где находится 23/05?» — поможет любой. Даже если человек не знает конкретно этот дом, он обязательно расскажет, где находится 23-й комплекс и как туда проехать.

Набережные Челны проектировались на базе современных для того времени технологий. Применялась комплексная застройка: сразу возводились жилые дома разной этажности, детские сады, школы, магазины, спортивные площадки и инженерные сети. Автором генерального плана города был академик Борис Рубаненко. Он считал, что такой метод заслуживает широкого применения и дальнейшего развития. Отсюда, кстати, и появились необычные для обывателей двойные адреса, которые стали визитной карточкой города.

После переезда в новую, современную, просторную квартиру оставшиеся годы до переезда на Крайний Север, в город Новый Уренгой, прошли именно там. Мы учились, дружили и отдыхали с удовольствием, наполняя каждый день простыми, но такими ценными радостями.

Я стал первоклассником в 1980 году — в год проведения московской Олимпиады. Мы, школьники 80-х, стали последним поколением, которое прошло все этапы: октябрята, пионеры, комсомольцы. И это было удивительное время, о котором не просто хочется вспоминать, а хочется снова почувствовать те самые счастливые десять лет жизни.

Тогда в СССР не было обязательного требования, чтобы дети шли в первый класс, уже умея читать и писать. Наш букварь был самым настоящим букварем, где всё начиналось с простого и вечного: «Мама мыла раму». А перед нами, высоко над доской, висели плакаты: «Жи-ши пиши с буквой „и“», «Ча-ща пиши с буквой „а“» и так далее. Изучение букв и сло-

гов занимало у первоклассников по всему необъятному Союзу несколько месяцев. Я помню праздник прощания с букварем — он проходил примерно в феврале. К этому времени все в классе действительно уже умели читать, и у нас даже проверяли технику чтения. Мой результат был 27 слов в минуту — и это считалось на «отлично». А вот в сентябре читающих детей были единицы. Я был одним из них, потому что всё лето ходил в подготовительный класс, где меня уже многому научили.

Оценок в первом классе не ставили до второй четверти. В первой четверти у нас даже дневника не было — была тетрадь, разрезанная пополам, и там учитель ставила какие-то знаки. Потом учительница принесла журнал и торжественно рассказала нам, что теперь всё будет серьёзно: этот документ хранят в школе 70 лет. Поэтому даже наши внуки при желании смогут увидеть все двойки, которые нам ставили. Моим первым учителем была Неволютова Маргарита Антоновна.

В октябрята нас принимали на годовщину Октябрьской революции — 7 ноября, в «красный день календаря», прямо в первом классе. Всё проходило в очень торжественной обстановке, с участием разных важных, солидных дядей и тётей. Получив на грудь новенькую блестящую звёздочку с юным дедушкой Лениным, мы шли, не застёгивая курток, несмотря на холодную погоду, и сияли, как эти значки. В классе появились звёздочки, и мы стали октябрятским отрядом. Меня избрали председателем Совета отряда. У нас были вожатые из 7-х классов. Мы соревновались в успеваемости, дисциплине и участии в общественной жизни. Макулатура, помощь ветеранам, пришкольный садовый участок — всё это стало нашими октябрятскими делами с первого класса.

В пионеры меня принимали первым в классе — на день рождения Ленина, 22 апреля 1983 года. И снова всё было очень торжественно: куртка нараспашку, алый галстук на груди. Каждый вечер или утро девчонки старательно наглаживали галстуки и приходили в школу красивыми и аккуратными, а мальчишки часто носили мятые галстуки. Но без галстука не приходил никто: мы дорожили званием пионера. Клятву пионера я помню наизусть и сейчас. Мы с удовольствием участвовали в разных субботниках, рейдах, сборе металлолома. Однажды после сбора металлолома нас даже вывозили на Литейный завод, и мы наблюдали, как из нашего собранного металла льют сталь. Ещё у нас были смотры песни и строя, где мы пели пионерские и военные песни. Это было весело, хоть мы и ворчали, что репетиции занимают много времени. А ещё мы бегали на «зарницах», устраивали соревнования по футболу и пионерболу и сами становились вожатыми у октябрят. Наша пионерская школьная жизнь была наполнена до краёв: скуки не было абсолютно, как и усталости. У нас не было альтернатив, но нас всё устраивало.

А ещё в моей детской жизни было очень много спорта. Как-то вечером, возвращаясь домой, я увидел на подъездной двери объявление о наборе ребят 1972–1973 годов рождения в хоккейную секцию подросткового клуба «Романтики» при жилищно-эксплуатационной конторе № 7. Это была моя мечта — играть в хоккей, которая появилась после просмотра матчей между сборными СССР и Всех звёзд НХЛ, получивших название «Кубок Вызова». Матчи проходили в Нью-Йорке, в знаменитом «Мэдисон-Сквер-Гарден», в феврале 1979 года.

У нас в городе в то время был настоящий хоккейный бум: в каждом комплексе была своя хоккейная коробка, при каждом ЖЭКе — по три команды, участвующих каждая в своей возрастной группе. В Челнах проводилось два крупных турнира: всесоюзный турнир ЦК ВЛКСМ «Золотая шайба» и турнир на Кубок Геннадия Сергеевича Баштанюка — Героя Социалистического Труда, председателя Совета бригадиров КамАЗа, впоследствии ставшего председателем Татарского областного Совета профсоюзов. За короткое время «Золотая шайба» стала неотъемлемой частью жизни миллионов детей и подростков огромной страны. Турниры дворовых хоккеистов проводились в течение всего зимнего сезона, а финалы неизменно проходили в разных городах в дни весенних школьных каникул. Благодаря активной работе руководителей

разного уровня движение юных хоккеистов постепенно набирало обороты, хотя трудностей хватало.

Нашим тренером-инструктором по спортивной работе по месту жительства был Володя. Его называли так все: не Владимир, не дядя Вова, а именно Володя. Он жил в 48-м комплексе, увы, фамилию я не помню. Было видно, что он — человек подготовленный: тренировки проходили интересно, и мы за короткое время многому научились и поверили в себя. Первая товарищеская игра нашей команды «Романтики» состоялась с сильной командой «Олимп» из 49-го комплекса. Они стали победителями соревнований по младшей возрастной группе и представляли Татарскую АССР на финальных играх в Москве на «Золотой шайбе» РСФСР. Мы, конечно, были готовы к этой игре, но внутреннее волнение всё равно присутствовало. Володя сказал, что всё будет хорошо, мы готовы. Игра прошла в дружеской обстановке, получилась интересной и зрелищной. Каждая команда была решительно настроена на победу. Мы победили с разницей более чем в 10 шайб, из них 8 шайб забросил я.

Перед началом триумфального сезона 1982–1983 годов на общем собрании команды я был избран капитаном, и на моём свитере появилась буква «К». Мне доверили выводить команду на все матчи. В этом сезоне мы обыграли всех своих соперников и стали чемпионами Автозаводского района. Городской финал с победителем Комсомольского района мы проиграли, потому что многие наши игроки заболели гриппом. Но Кубок Баштанюка мы взяли, и по итогам спортивного сезона я был признан лучшим нападающим «Золотой шайбы» по младшей возрастной группе. Почётная грамота, подписанная первым секретарём горкома комсомола города, и сейчас является моей самой главной наградой. Торжественное награждение состоялось на ледовой площадке клуба «Чайка» в 7-м комплексе в феврале 1983 года.

По окончании хоккейного сезона тренер объявил, что уходит тренировать другой клуб, а нас, почти всю команду, рекомендовал тренерскому составу Спортивного клуба «КамАЗ». Перед этим мы провели выставочный матч с городской командой и сыграли достойно, проиграв всего в одну или две шайбы. Две пятёрки перешли в основную городскую команду, которая участвовала в первенстве Татарской АССР. Хоккейный клуб располагался в парке «Гренада», где сейчас базируется профессиональный футбольный клуб «КАМАЗ». Уровень тренировок и спортивной экипировки был на порядок выше. Нам сразу заменили наши «ботосы» на современные коньки «ледорубы», о которых тысячи советских мальчишек могли только мечтать.

Наступило лето 1982 года, которое изменило дальнейшую мою судьбу. Мы с родителями поехали в отпуск на малую родину моего отца — в город Балахну Горьковской области (ныне Нижегородской области). Там же родились все мои предки по отцовской линии. В XIX веке городским головой Балахны был Александр Алексеевич Плотников — степенный гражданин, купец первой гильдии, происходивший из балахнинского рода купцов Плотниковых. Александр Алексеевич, будучи судостроителем и судовладельцем, внёс огромный вклад в развитие судостроительного промысла, принёсшего всемирную славу Балахне и напоминающего о себе двумя кокрами на гербе города. Официальных данных о том, что Александр Алексеевич является нашим предком, нет, но мой прадед, Фёдор Константинович, был очень обеспеченным человеком и имел свою лавку в Нижегородском Кремле. Он занимался предпринимательством, имел отношение к соледобыче и судостроению.

В Балахне двоюродный брат пригласил отца работать на Крайнем Севере. Отец, как всегда, дал согласие и указал направление сборов в новую точку — Новый Уренгой. Что это такое, толком сказать он не мог, но по карте мы нашли, что место находится недалеко от Полярного круга, а из газет и от родственников узнали, что там ведут разработки газа.

Попасть в Новый Уренгой без специального вызова, гарантирующего рабочее и спальное место сразу по прибытии, было нельзя. Позже в паспортах родителей в штампе о прописке появились две буквы — ЗП (зона пропусков). Добраться туда можно было только самолётом. В самолёт заходил сотрудник милиции и проверял у прилетевших прописку либо вызов на

работу в район Крайнего Севера. Да и билеты в кассе без этого купить было нельзя: так сказать, была двойная проверка. Дождавшись вызова, отец уехал, а мы остались ждать, когда он там устроится и пригласит нас. Даже ближайшие родственники могли приехать в Новый Уренгой только по гостевому вызову, оформленному в МВД.

После того как отец получил две комнаты в трёхкомнатной квартире в доме капитального исполнения, мы 23 марта 1984 года мы с мамой вылетели по маршруту Набережные Челны — Москва — Новый Уренгой. Сестра заканчивала 8-й класс, и её оставили с бабушкой.

Так завершалась одна глава моего детства, позади оставались родной двор, хоккейная площадка и солнечный город на Каме.

КРАЙ ЗЕМЛИ УСТРЕМЛЕННЫЙ В БУДУЩЕЕ

«Северяне, они лучше работают в команде. Потому что выжить на севере одному достаточно сложно. Они приветливые, дружелюбные, готовые помочь. Ты можешь к ним обратиться, и они помогут».

Ранним утром 24 марта 1984 года рейсом № 420 из московского Внуково, после трёх с половиной часов полёта, самолёт приземлился в аэропорту города Новый Уренгой. Мы прибыли на Ямал — край земли: именно так переводится с ненецкого языка на русский слово «Ямал». С севера Ямал омывается Северным Ледовитым океаном, который дышит студёными ветрами, словно испытывая на прочность смельчаков, живущих на его берегах. Но силён человек: на бескрайних просторах тундры ненцы и ханты пасут тысячные стада оленей, ловят драгоценную рыбу — нельму, осетра, муксуна. В лесах, растущих ближе к югу, в изобилии водятся пушные звери, а земля щедра на грибы и ягоды. Помимо северных народностей, на Ямале живут и трудятся люди всех национальностей Советского Союза — словно сама суровая земля объединила разные судьбы в одну большую историю освоения Севера.

Если своё детство я провёл в автограде, то дальнейшая моя жизнь оказалась навсегда связана только с Ямалом. Выйдя из самолёта, мы увидели отца — он ждал у трапа, и в те годы это было в порядке вещей, по-домашнему просто. Вместе с каким-то мужиком он ловко забрался в багажное отделение «тушки», отыскал наш багаж, и мы пошли пешком к стоянке у здания аэропорта. На стоянке не было ни привычных рейсовых автобусов — таких родных «ЛиАЗов», ни легковых автомобилей, ни тем более такси. Нас ждал автокран «Ивановец» на базе «МАЗа». Вся площадка была уставлена грузовыми автомобилями и «вахтовками» — будто это был не аэропорт, а передовой пункт большой стройки. На «Ивановце» мы все вместе поехали в нашу новую квартиру. За тёплой кабиной «МАЗа» вроде бы стоял весенний месяц март, но зима и не думала отступать: вокруг лежал снег — очень много снега, плотный, тяжёлый, будто намертво сковавший землю.

Мог ли я тогда, находясь ещё в Татарии, представить, как выглядят северные просторы? Конечно, нет. Я и не предполагал, что снег может пойти даже в июне. Зато потом я быстро узнал, что сильные морозы — любимое время у школьников. Каждое утро мы с надеждой слушали радио, чтобы узнать, актированный ли сегодня день. Если температура опускалась ниже −36 °C, малышам разрешалось остаться дома; старшим школьникам такое послабление давали только ближе к −41 °C. Но дети Севера были настолько суровы, что редко упускали шанс выйти на улицу — даже в мороз, даже когда ветер сбивал с ног. Вот такой он, Крайний Север: здесь в шутку говорят, что июнь — ещё не лето, а июль — уже не лето. А когда лето всё-таки приходило, я обычно был на работе.

Вот уж никогда в те годы я не думал, что окажусь там, где лютый мороз соседствует с коротким летом, а солнца не бывает по полгода. Первое впечатление было почти ужасающим: везде — снег, пронизывающая холодина. Мужики ходили в огромных унтах, женщины — в шубах, и даже дети были укутаны так, будто готовились к полярной экспедиции. Первое, что запомнилось по дороге домой, — множество вагончиков с пристроями: их называли «балки»,

«бамовские» дома. И ещё — стела с гордой надписью: «Новый Уренгой — город газодобытчиков и строителей».

Нашим новым домом стали две проходные комнаты в трёхкомнатной квартире на четвёртом этаже дома 4 «Б» по проспекту Ленинградскому. Было очень непривычно, что в квартире, кроме нас, живут посторонние люди. Общий коридор, общая маленькая кухня, где кое-как умещались два стола; холодильник стоял на подоконнике, а то и вовсе продукты хранили в сетке, вывешенной из форточки на улицу. В наших комнатах стояли два самодельных шифоньера, тумбочка и четыре кровати с панцирной сеткой. Черно-белый телевизор появился чуть позже, а потом мы долго бились над проблемой телевизионного кабеля. Чего только не придумывали с антеннами! Но самой крутой считалась антенна из электродов, сделанная в виде бабочки, — она ловила сигнал там, где другие сдавались. Из наших окон открывался вид во двор, прямо на строительную площадку школы № 5. С балкона можно было увидеть Ленинградский проспект. В 1984 году он больше напоминал не городской проспект, а промысловую дорогу: по ней двигались большегрузные автомобили и даже огромные «Ураганы», колея была громадной, а весной перейти дорогу можно было только в резиновых сапогах. В то время все ходили в болотниках — это была не мода, а жизненная необходимость.

До нашего приезда в Новый Уренгой и получения жилплощади, куда можно было привезти семью, мой отец с осени 1983 года жил в общежитии № 8 по улице Геологоразведчиков и работал в управлении «Уренгойгазэнерго» ПО «Уренгойгаздобыча» мастером-бригадиром. В течение месяца мама устроилась секретарём-машинисткой в Ремонтно-механическое предприятие «Уренгойгазэнергоремонт» ПО «Уренгойгаздобыча» и проработала на этом предприятии 15 лет — до выхода на пенсию и отъезда на «большую землю». За многолетний и добросовестный труд она была удостоена званий: «Ветеран труда РФ», «Почётный работник газовой промышленности» и «Ветеран Ремонтно-инструментального завода (КамАЗ)».

Первый день на новом месте — новый город, новая квартира, всё новое. Было не просто скучно, а очень тоскливо: все мои друзья остались в Набережных Челнах. Получив от отца подшитые валенки вместо привычных кроссовок, я пошёл гулять. Моими первыми новыми друзьями во дворе стали Манбатчурин Рим и Лихачёв Игорь. Оказалось, что мы все жили в одном подъезде: Рим — на первом этаже, Игорь — на пятом, а я — на четвёртом. Детей тогда было много: с утра до вечера мы учились в школе в несколько смен, а вечером собирались в подъезде и играли, наполняя гулкие лестничные пролёты звонким смехом.

Учиться я пошёл в школу № 4 в начале четвёртой четверти. Школа ещё строилась: вокруг не было ни домов, ни дорог, только голая тундра и строительные леса. Школ не хватало, и мы занимались в одной трети здания — только в правой части от входа. Там, где должны были быть спортивные и актовый залы, этой части ещё не существовало. В те годы учились в три смены, а начальных классов было столько, что нумерация доходила до буквы «М». О тех временах и наших любимых учителях я всегда вспоминаю с улыбкой и гордостью: для многих выпускников эта школа стала вторым домом, а педагоги и одноклассники — второй семьёй.

Меня определили в 4 «Г» класс. Классным руководителем была учитель физической культуры Саяхова Нурия Мугамбаровна. Сейчас она на пенсии, имеет звания «Ветеран труда» и «Почётный работник общего образования Российской Федерации», живёт в городе Нефтекамске Республики Башкортостан. С 1983 по 2016 год директором школы была Горбенко Таисия Владимировна — ныне заслуженный учитель Российской Федерации, почётный гражданин города Новый Уренгой. Она — одна из тех, с кого начиналась новоуренгойская система образования, её по праву называют «легендой системы образования». Таисия Владимировна рассказывала, что, когда приехала в Новый Уренгой, сначала думала просто дожить на неласковом Севере до ближайшего Нового года. Потом, как ответственный учитель, решила доработать до конца учебного года. А уезжая в первый отпуск, уже твёрдо знала: это навсегда.

Четвёртая четверть началась в новой школе, среди новых учеников и моих будущих друзей. Наш классный кабинет находился на третьем этаже: там мы раздевались, туда же приходили учителя. Привычной смены кабинетов между уроками не было — их просто не хватало. Каждый класс имел свой кабинет, и в нём проходили занятия по разным предметам, словно это была маленькая крепость, где мы постепенно становились одной командой.

Первым моим школьным товарищем стал Зюкин Роман, но после занятий мы почти не встречались: он жил в вагон-городке АТБ-9 за городом, а я — в городе. Так и учились: кто-то приходил в школу пешком, а кого-то привозили школьные «вахтовки» из временных посёлков. Самый дальний посёлок находился в районе установки комплексной подготовки газа (УКПГ) № 8 — где-то между промыслами № 1АС и № 1. Это был посёлок Тундровый, а за аэропортом — Уралец. В те годы население города росло огромными темпами, и часть людей селилась в вагон-городках, обустраивая жильё методом самостроя. Каких только конструкций здесь не было!

Особый интерес для современных жителей города представляют дома-бочки. Их, начиная с 1975 года, выпускал Сокольский деревообрабатывающий комбинат. Инженеры, оригинально использовав цилиндрическую форму, добились того, что новое жилище имело меньшую теплоотдачу и было защищено от снежных заносов: снежные заряды любой плотности и силы свободно обтекали металлический цилиндр. Эти дома быстро завоевали любовь жителей новых советских полярных посёлков и городов. По сравнению с балками и бараками это были просторные, комфортные и благоустроенные квартиры или общежития, о которых многие первопроходцы могли только мечтать. В них были утеплённые стены, встроенные баки для воды, большие окна. Жильё обустраивали, как могли: мастерили самодельные полки для книг, развешивали занавески и фотографии, стараясь придать холодному металлу хоть немного домашнего уюта. В Новом Уренгое из таких домов составляли целые районы вагон-городков, и в них выросло целое поколение наших современников, которые сегодня с ностальгией вспоминают молодость, проведённую в этих необычных жилищах. Самый большой вагон-городок в 1980–1990-х годах располагался в районе современных микрорайонов Тундровый, Оптимистов, Энтузиастов. Там была своя, особая жизнь.

Надо понимать, что никаких удобств в жилых помещениях вагон-городка не было, кроме электричества. Воду привозили ежедневно в больших цистернах, и поход «за водой» был настоящим общественным ритуалом: люди встречались, обменивались новостями, обсуждали последние события, делились радостями и тревогами.

Другой мой школьный друг, Василий Петров, жил в «балке» в районе нового универсама, и мы почти каждый день после школы проводили у него. Он вместе с отцом построил собственный маленький домик для посиделок и общения с друзьями. Мы почему-то называли его «халабуда» — и в этом слове было столько мальчишеской романтики, столько ощущения своего, тайного пространства. С Василием мы дружим до сих пор: он стал успешным предпринимателем и меценатом, всегда помогает тем, кому эта помощь необходима, — и детям, и инвалидам, и ветеранам.

С 1986 года городские власти, всерьёз обеспокоенные решением жилищной проблемы, начали снос вагон-городков. Делали это с предоставлением жилья «по площадям»: после того как люди выселялись, вагончики немедленно убирали, чтобы не допустить повторного заселения. Постепенно вагон-городок стал таять, растворяясь в истории, как утренний туман над тундрой.

Начиная с пятого класса мы продолжили учёбу в полноценной школе — со спортивными залами, просторным актовым залом, современной школьной столовой и множеством новых кабинетов. Город строился очень быстро, и за летний период вокруг школы начали вырастать дома, словно сама земля торопилась обрасти городской плотью. В нашем 5 «Г» назначили нового классного руководителя — учителя английского языка Людмилу Максимовну Терно-

вую. В 2002 году она уже работала заместителем директора средней школы № 16, и ей тоже было присвоено почётное звание «Заслуженный учитель Российской Федерации». До окончания школы учителя практически не менялись: все они были разными, и методы обучения у них тоже были разными, но каждый из них внёс в наши души что-то важное и нужное. Нина Ивановна Николина преподавала алгебру и геометрию, Надежда Яковлевна Сидорова — физику, а Людмила Фёдоровна Щербина — русский язык и литературу. Был у нас и физрук — Иван Иванович Ткач: он создал вечернюю секцию по баскетболу. В то время баскетбол любили все: проходили соревнования между классами, школьные и городские турниры, и каждый матч был маленьким праздником.

В восьмом классе мы друг за другом стали вступать в Ленинский комсомол. В городах и далёких станицах, во всех уголках огромной советской страны молодые люди шли в комсомол, чувствуя себя частью чего-то большого и важного. Мы тогда искренне понимали, что принимаем эстафету славных поколений — строителей Днепрогэса, Магнитки и КамАЗа. Мы взрослели не только годами: мы вбирали в себя силу и мужество Николая Островского и Зои Космодемьянской, молодогвардейцев Краснодона и подольских курсантов, наших отцов и матерей. Мы знали, как зимой 1974 года начинался Большой Уренгой: на Уренгой пришёл первый санный поезд объединения «Надымгазпром». Среди первопроходцев были буровики, промысловики, водители, строители — люди, готовые к любым трудностям. Путь сюда был нелегок, но ещё труднее было начинать обустройство крупнейшего газового месторождения с палаток и вагончиков. В тундре, в суровых климатических условиях, была заложена основа энергетической базы страны. Мы гордились трудовыми подвигами комсомольцев и хотели быть похожими на них.

В комсомол меня принимали на заседании горкома ВЛКСМ. Горком находился по адресу: улица Железнодорожная, дом 6. Это было первое кирпичное здание города, и его тоже строили комсомольцы. Первым секретарём горкома комсомола был Виктор Николаевич Казарин — именно он принимал меня в члены ВЛКСМ. В дальнейшем Виктор Николаевич стал мэром города Новый Уренгой, заместителем губернатора ЯНАО, депутатом Государственной Думы ФС РФ. Сейчас он — заместитель председателя Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа, председатель Комитета Законодательного Собрания ЯНАО по экономической политике, бюджету и финансам, член Комитета по экологии, промышленности и жилищно-коммунальному хозяйству, руководитель депутатской фракции Всероссийской политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ».

Комсомол — это уникальная школа, которую прошли несколько поколений советских юношей и девушек. Школа, которая помогала нам становиться достойными гражданами своей Родины. О комсомоле можно писать много, но скажу одно: комсомольская юность для многих из нас была самой счастливой порой жизни. Вступление в самую массовую и популярную молодёжную организацию считалось делом почётным и ответственным, и оно предполагало серьёзную подготовленность. Надо было хорошо изучить Устав и другие документы комсомола, проявить себя достойно. Для вступления требовались рекомендации двух комсомольцев с определённым стажем или рекомендация коммуниста — члена КПСС.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.